

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД
ЕГО НАЗВАЛИ ГЕРОЕМ.
ЕЕ — УБИЙЦЕЙ.
ПРАВДА УТОНУЛА В ОГНЕ.
НО МОРЕ ВСЕГДА
ВОЗВРАЩАЕТ ТО,
ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ
НАЙДЕНО.

НЕ ВЕРЬ
ВДОВЕ
СВОЕГО БРАТА

ANDY SMITH

Andy Smith

Не верь вдове своего брата

<https://litres.ru/74341758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я скрывала нашего сына шесть лет.

Бежала от семьи могущественных миллиардеров, которые обвинили меня в гибели моего жениха. Но однажды они нашли меня.

Дориан Лордан — старший брат моего погибшего жениха. Мужчина, которого я ненавижу. Мужчина, с которым меня связывает самая грязная и страшная тайна. Он требует генетического теста. Он хочет забрать наследника империи.

Но пока мы ведем войну на уничтожение, из прошлого возвращается тот, кто держит в руках все нити. Тот, кого мы считали мертвым.

Горячо, эмоционально, на грани нервного срыва!

Осторожно: очень властный герой и героиня, которая не сдастся.

Хэппи-энд гарантирован (но к нему придется продираться сквозь огонь).

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Andy Smith

Не верь вдове своего брата

Глава 1

Первым человеком, которого я увидела после возвращения в Сан-Вейр, оказался мужчина, однажды пообещавший посадить меня в тюрьму.

Дориан Лордан стоял прямо за стеклянной стеной зала прилета.

Шесть лет ничего не изменили.

Просто сделали его дороже.

На нем не было ни галстука, ни пальто, ни тех безупречных костюмов, в которых фотографы снимали его рядом с министрами и председателями арбитражных палат. Темная рубашка, закатанные до локтей рукава, часы без заметного логотипа. Он выглядел так, будто приехал не встречать предполагаемую убийцу собственного брата, а вытаскивать компанию из очередного скандала.

Рядом со мной Эллио прижимал к груди потрепанного плюшевого баклана.

Я взяла сына за руку.

— Мы можем поехать обратно? — спросил он.

— Самолет уже улетел.

— Можно другим.

У детей удивительно простая модель мира.

Не понравилось место — купи билет.

Не понравился человек — не разговаривай.

Не понравилась правда — еще не знаешь, что с ней делать.

— Нам нужно решить одно дело, — сказала я.

— И потом домой?

Я посмотрела на Дориана.

Он смотрел не на меня.

На Эллио.

— Потом домой.

В автоматических дверях пахло морской сыростью.

Сан-Вейр находился дальше к северу, чем позволяла ему его репутация южного острова. Здесь продавали туристам белые фасады, виноградники на каменных террасах и открытки с лимонными садами.

Но настоящим Сан-Вейром был ветер.

Он налетал с моря, забирался под одежду, выворачивал зонты и приносил запах соли даже в центральные кварталы.

Я не успела сделать трех шагов.

— Мара.

Только один человек произносил мое имя так, словно предъявлял обвинение.

Я остановилась.

— Дориан.

Эллио поднял голову.

Дориан приблизился.

Теперь между нами оставалось меньше метра.

За шесть лет я научилась вести переговоры с коллекционерами, страховыми следователями, наследниками, которые предпочитали уничтожить семейную картину, лишь бы не признавать ее происхождение.

Я умела спокойно смотреть на людей, когда они врали мне в лицо.

С Дорианом это умение исчезло примерно за пять секунд. Он первым отвел глаза.

Снова посмотрел на Эллио.

— Это он?

Я почувствовала, как пальцы сына крепче обхватили мои.

— Его зовут Эллио.

— Я не спрашивал имя.

— Тогда сформулируй вопрос нормально.

Черты его лица почти не изменились.

Только возле рта появились две короткие складки, которых раньше не было.

— Это сын Леона?

Эллио услышал.

Конечно услышал.

Я ненавидела Дориана за то, что он не подождал даже минуты.

И себя — за то, что сама согласилась приехать.

— Не здесь.

— Я шесть лет ждал ответа.

— Еще десять минут тебя не убьют.

Он усмехнулся.

Никакого веселья в этом не было.

— Один Лордан уже умер рядом с тобой. Не переоценивай статистику.

Я ударила его.

Не сильно.

Звук получился громче, чем я рассчитывала.

Дориан не двинулся.

Лишь медленно провел языком по внутренней стороне щеки.

Эллио ахнул.

— Мама.

— Прости.

— Это ему?

— Да.

— Тогда ладно.

Челюсть Дориана дернулась.

И я едва не рассмеялась.

Шесть лет назад смех рядом с ним дался бы мне слишком дорого.

Сейчас я могла себе позволить.

— Машина снаружи, — сказал он.

— Мы возьмем такси.

— Не возьмете.

— Это угроза?

— Забастовка перевозчиков.

Я обернулась к стоянке.

Почти пусто.

Проклятье.

— Кроме того, — продолжил он, — пока вопрос о наследстве не решен, мальчик находится под защитой фонда Лордан.

— Мальчик находится под защитой своей матери.

— Это мы тоже обсудим.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Попробуй.

На этот раз первым улыбнулся он.

Не потому, что ему понравилась моя угроза.

Потому что он ее ждал.

— Вот теперь я тебя узнаю.

Автомобиль оказался длинным темным седаном.

Эллио расположился сзади возле окна и через пять минут забыл о существовании Дориана, потому что увидел фуникулер.

— Мама, смотри!

Я посмотрела.

Красные вагоны медленно ползли вверх между домами.

За ними поднимался Сан-Вейр.

Белый камень.

Черепичные крыши.

Старые башни.

Черные кипарисы.

И в самой высокой точке — Дом Лорданов.

Даже отсюда были видны стеклянные галереи, соединявшие три крыла особняка.

Одного крыла теперь не существовало.

После пожара его не восстановили.

Дориан заметил, куда я смотрю.

— Ты остановишься там.

— Нет.

— Это не предложение.

— Тогда плохая новость: ты больше не имеешь права мной командовать.

— Никогда не имел.

— Наконец-то хоть в чем-то мы согласны.

Он сидел напротив.

Между нами был столик из темного дерева, на котором лежала черная папка.

Дориан толкнул ее ко мне.

— Читай.

— Я читала документы, которые прислал адвокат.

— Не эти.

Я открыла папку.

На первой странице находилась фотография.

Картина.

Даже после шести лет я узнала ее сразу.

Женщина в белом платье стояла на черном морском берегу спиной к зрителю. Вместо лица — поворот головы, немного темных волос, край щеки.

«Святая без лица».

Триптих Алесслио Вейрана.

Главная работа частной коллекции Лорданов.

Та самая, которую я реставрировала перед пожаром.

— Она сгорела.

— Видимо, нет.

Я подняла взгляд.

— Где вы ее нашли?

— Рыболовное судно подняло контейнер в сорока километрах от западной бухты.

— Какой контейнер?

— Герметичный транспортировочный.

У меня пересохло во рту.

Картина находилась в галерее за три часа до пожара.

Я сама закрывала реставрационную мастерскую.

— Кто ее вынес?

— Поэтому ты здесь.

Я перевернула страницу.

Экспертное заключение.

Дата.

Пигменты.

Рентгенография.

Под красочным слоем обнаружена надпись.

Я прочла ее дважды.

«Для того, кто рождается после моего исчезновения».

Под ней стояли инициалы.

L.L.

Леон Лордан.

— Это не его почерк.

— Эксперты говорят обратное.

— Эксперты ошибаются.

— Ты еще даже не видела оригинал.

— Я была помолвлена с ним два года. Я реставрировала его письма после того, как он пролил на них вино. Я знаю, как Леон писал букву L.

Эллио перестал смотреть в окно.

— Леон — это папа?

В автомобиле стало слишком тихо.

Я закрыла папку.

— Да.

Сын перевел взгляд на Дориана.

— А ты кто?

Дориан ответил не сразу.

— Его брат.

— Значит, мой дядя?

— Получается, так.

Эллио задумался.

— Ты злой?

— Эллио.

— Что?

Дориан неожиданно ответил:

— Иногда.

— Мама тебя ударила.

— Я заметил.

— Значит, ты заслужил.

Я прикрыла глаза.

— Эллио.

— Что опять?

Дориан отвернулся к окну.

Я увидела, что он улыбается.

Совсем немного.

И на секунду передо мной оказался другой мужчина.

Тот, которого я знала до Леона.

До пожара.

До ребенка.

До той ночи, когда Дориан стоял посреди обугленной галереи и сказал полиции:

«Она была последней, кого я видел возле архива».

Улыбка исчезла.

Он достал из папки еще один документ.

— На обороте холста нашли дополнение к завещанию Леона.

Я пробежала строки.

Потом начала читать сначала.

Нет.

Этого не могло быть.

— Если экспертиза подтвердит подлинность картины и документа, — сказал Дориан, — контрольный пакет Фонда Вейрана переходит единственному биологическому ребенку Леона.

— У Леона не было контроля над фондом.

— После смерти отца его доля увеличилась.

Я подняла голову.

— Ваш отец умер?

— Одиннадцать месяцев назад.

Я ничего не почувствовала.

Наверное, должна была.

Старый Август Лордан разрушил достаточно человеческих жизней, включая мою.

Но ненависть тоже способна закончиться.

Однажды просто обнаруживаешь, что больше не хочешь тратить на человека силы.

— Соболезную.

— Не надо.

— Хорошо.

Он наклонился вперед.

— Теперь объясни мне одну вещь.

Я знала вопрос.

— Нет.

— Я его еще не задал.

— Но собираешься.

— Если Эллио действительно сын Леона, почему ты ни разу не сообщила его семье?

— Потому что ваша семья пыталась отправить меня в тюрьму.

— Обвинения сняли.

— Через четырнадцать месяцев.

— Ты исчезла через четыре дня.

— Потому что была беременна.

Он замолчал.

Я совершила ошибку.

Поняла это сразу.

Дориан медленно посмотрел на Эллио.

Потом снова на меня.

— Четыре дня после пожара?

Я не ответила.

— Ты уже знала?

— Дориан.

— Ты уже знала о беременности, когда Леон погиб?

Эллио слушал.

Я не собиралась делать это при нем.

— Мы обсудим позже.

— Ты шесть лет распоряжаешься словом «позже».

Автомобиль остановился.

Водитель открыл двери.

Я увидела кованые ворота Дома Лорданов.

— Приехали, — сказал Дориан.

Я взяла сумку.

— Мы здесь только до окончания экспертизы.

— Разумеется.

Я уже выходила, когда он добавил:

— Если она окажется настоящей, я потребую анализ ДНК.

Я остановилась.

Только на мгновение.

Но Дориану всегда хватало мгновения.

— Боишься чего-то, Мара?

Я повернулась.

— Да.

На этот раз я не солгала.

— Вашей семьи.

И вышла из машины.

Глава 2

Дом запомнил меня лучше людей.

Дверь западной гостиной по-прежнему заедала.

На лестнице все еще отсутствовала третья латунная накладка.

Часы в холле отставали на семь минут.

Шесть лет назад Леон каждый понедельник собирался звывать мастера.

Каждый вторник забывал.

На этом месте воспоминание оборвалось.

Я не позволила ему продолжиться.

— Госпожа Вессен.

Навстречу нам шла Изольда Лордан.

Я была уверена, что она умерла.

Не потому, что слышала подобные новости.

Просто некоторым людям невозможно представить старость.

Изольде было семьдесят четыре. Высокая, прямая, с серебряными волосами до плеч и лицом, на котором возраст выглядел не поражением, а еще одной привилегией.

Она не обняла меня.

Я не ожидала.

Сначала посмотрела на меня.

Потом на Эллию.

И что-то в ее лице изменилось.

— Значит, это он.

Опять.

Будто ребенок являлся предметом, доставленным курьером.

Эллио нахмурился.

— Я Эллио.

Изольда перевела взгляд на него.

— А я Изольда.

— Я знаю.

— Откуда?

— Мама сказала, что ты бабушка Леона.

Изольда посмотрела на меня.

— Она многое тебе рассказывала?

— Не очень.

— У твоей матери всегда была эта дурная привычка.

— Бабушка, — сказал Дориан.

Она подняла ладонь.

— Я не нападаю на твою гостью.

— Я не гостья, — сказала я.

— Разумеется. Гости приезжают добровольно.

Эллио шепнул:

— Мама, она тоже злая?

Изольда услышала.

— Значительно хуже твоего дяди.

Сын уважительно посмотрел на нее.

Похоже, они нашли общий язык.

Мне это не понравилось.

Нам выделили комнаты на втором этаже.

Не мои прежние.

За это я была благодарна.

Эллио сразу занял комнату с круглым окном и заявил, что она похожа на каюту.

Я распаковала его вещи, проверила замки и только потом заметила конверт на комод.

Без имени.

Белая бумага.

Черные чернила.

Внутри лежала старая фотография.

Я стояла возле обгоревшей стены галереи.

На мне рабочий комбинезон.

Волосы собраны.

В руках — деревянная рама.

Фото сделали примерно за неделю до пожара.

На обратной стороне было написано:

«Ты восстановила не ту картину».

Я перестала дышать.

Нет.

Не от страха.

От узнавания.

Почерк был тем же, что на надписи под красочным слоем «Святой без лица».

Не Леона.

Я знала, чей.

Дверь открылась.

Я резко перевернула фотографию.

Дориан.

— Стучать тебя не учили?

— Это мой дом.

— Прекрасный аргумент. Особенно для взломщика.

Он заметил конверт.

— Что это?

— Счет за обслуживание номера.

— Покажи.

— Нет.

Он закрыл дверь.

— Мара.

Шесть лет назад я могла определить его настроение по тому, как он произносил мое имя.

Сейчас обнаружила, что навык никуда не исчез.

Этот вариант означал: не испытывай терпение.

Я сунула фотографию в задний карман джинсов.

— Нам нужно установить правила.

— У нас есть правила.

— Нет. У тебя есть привычки.

— Например?

— Входить без разрешения. Допрашивать меня при ребенке. Решать, где я сплю. Говорить об анализах ДНК так,

будто собираешься купить его в аптеке.

Он подошел ближе.

— Если Эллио претендует на акции стоимостью сто восемьдесят миллионов евро, анализ будет.

— Он ни на что не претендует.

— Его имя уже в иске.

— Я не подавала иск.

— Зато его подал временный управляющий фонда.

Это было новостью.

— Кто?

— Маркус Фальк.

Я рассмеялась.

Один короткий, неприятный звук.

— Фальк все еще работает на вас?

— Работал на отца. Теперь на совет.

Маркус Фальк.

Человек, который за четыре часа после пожара сумел убедить полицию, что реставратор с двадцатью тысячами евро на счету решила сжечь картину стоимостью двенадцать миллионов.

— Тогда я забираю Эллио и уезжаю.

Дориан перегородил дверь.

— Нет.

— Отойди.

— Нет.

— Дориан.

— Если Фальк что-то начал, я хочу понять зачем.

— Разбирайся. Без нас.

— Уже нельзя.

— Почему?

Он достал телефон.

Показал мне экран.

Статья.

Фотография аэропорта.

Я, Эллио и Дориан возле машины.

Заголовок:

«ТАЙНЫЙ НАСЛЕДНИК ЛОРДАНОВ ВЕРНУЛСЯ В
САН-ВЕЙР».

Ниже:

«Шестилетний сын погибшего Леона Лордана претендует на контроль над крупнейшим частным художественным фондом Адриатики».

Я закрыла глаза.

— Как быстро.

— Самолет сел сорок минут назад.

— Кто слил?

— Выясняю.

— Ты?

Он посмотрел так, что вопрос показался оскорблением.

— Если бы хотел использовать мальчика, фотография была бы лучше.

— Ты всегда был романтиком.

— Особенно рядом с тобой.

Фраза повисла между нами.

Глупая.

Почти невинная.

Но мое тело помнило его слишком хорошо.

Дориан тоже понял.

Его взгляд на секунду опустился к моему рту.

Я первой отступила.

— Выйди.

— Что в конверте?

— Ничего.

— Тогда покажи.

— Не обязана.

Он схватил меня за запястье, когда я попыталась пройти мимо.

Не больно.

Но достаточно, чтобы я остановилась.

Наши лица оказались слишком близко.

— Отпусти.

— Сначала скажи, что ты прячешь.

— Ты до сих пор думаешь, что имеешь право требовать от меня правду?

— После того, как ты исчезла беременной и вернулась с ребенком моего брата?

Я почувствовала, как злость вытесняет все остальное.

— Ты был последним человеком, которому я что-либо за-

должала.

— Почему?

— Потому что именно ты сказал полиции, что видел меня возле архива.

— Я сказал правду.

— Нет. Ты выбрал удобную часть правды.

Он отпустил руку.

— Какую часть я пропустил?

Я посмотрела на него.

Перед глазами на секунду возникло другое помещение.

Старая мастерская.

Дождь по стеклянной крыше.

Его ладонь на моей спине.

Мой рот у его виска.

Леон, который тогда еще не был моим женихом.

И Август Лордан, появившийся следующим утром с предложением, от которого зависела судьба моей матери.

— Выйди, Дориан.

Он стоял еще несколько секунд.

Потом открыл дверь.

— В девять ужин.

— Не приду.

— В девять экспертиза картины.

Я подняла голову.

— Она здесь?

— В подземном хранилище.

Он вышел.

Я подождала, пока шаги исчезнут.

Достала фотографию.

Перевернула.

«Ты восстановила не ту картину».

Я провела пальцем по буквам.

Почерк принадлежал человеку, которого не должно было существовать.

Себастьяну Вейрану.

Художнику, умершему двадцать три года назад.

И моему отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.